

Глава 3. Даже не думай!

—

Дуань Янь нетвердой походкой вышел из комнаты. Хотя кровь из носа больше не текла, в носоглотке всё еще стоял стойкий металлический привкус.

Теперь он окончательно убедился, что физические реакции этого тела при виде юноши-гэра были невероятно сильными. Более того, прямо сейчас кровь в его жилах продолжала бушевать и бурлить.

Парень невольно заподозрил неладное: уж не подсыпали ли прежнему владельцу тела какое-нибудь средство для усиления страсти?

У входа во внутренний дворик стоял молодой парень, который, судя по всему, как раз собирался войти, чтобы проверить обстановку. Стоило Дуань Яню сделать шаг за порог, как этот расторопный малый едва не врезался в него лбом.

Увидев вышедшего Дуань Яня, парень, которого звали Гоу Сань-эр, заметно растерялся.

Дело было сделано? Он вытянул шею, прислушиваясь к гонгу ночного сторожа. Неужели всё закончилось за такое короткое время? Ведь не прошло и одного кэ*.

[* Кэ (𠄎, Кè) – это единица измерения времени, обозначающая одну сотую часть суток, то есть примерно 14.4 минуты.]

Гоу Сань-эр повидал немало на своем веку, но сейчас не решился высказать свои сомнения вслух, а лишь спросил:

— Старший брат, что случилось?

Дуань Янь понятия не имел, о чем думает этот парень с плутовским взглядом. Заметив человека, он сразу же перешел к делу:

— Где лекарство от жара?

— Какое еще лекарство? — Гоу Сань-эр глупо моргнул, а затем понимающе и двусмысленно ухмыльнулся: — Старший брат, да ведь ты сам для него лучшее лекарство!

От этих слов у Дуань Яня зашевелились волосы на голове. Он повысил голос, сурово отчеканив:

— Кончай молоть чушь! Живо тащи сюда противоядие!

Видя, что Дуань Янь действительно разгневан, Гоу Сань-эр тут же растерял всю свою игривость и испуганно съежился.

Он никак не мог взять в толк: зачем старшему брату понадобилось противоядие? Это драгоценное лекарство его братьям удалось раздобыть в борделе благодаря связям; его было нелегко достать. Затем он снова подумал: может быть, лекарство слишком сильное, и его старший брат не может нейтрализовать его действие?

Но с другой стороны, сколько всего можно успеть сделать за такое короткое время?

Гоу Сань-эр невольно окинул Дуань Яня беглым взглядом с ног до головы, мысленно поражаясь: надо же, такой здоровый и крепкий мужик, а на деле оказался пустоцветом, который только на вид грозен!

Конечно, парень не посмел бы озвучить столь крамольные мысли. Он лишь виновато замялся:

— Брат Дуань, эту штуку ведь дают как раз для того, чтобы облегчить дело. Стоит довести процесс до конца, и всё само пройдет. Откуда же взяться какому-то особому противоядию? В борделе таких средств точно не бывает...

Услышав это, Дуань Янь едва сдержал желание дать этому мелкому негодяю хорошую затрещину.

Гоу Сань-эр тихонько добавил:

— Если одного раза мало, сделай это еще пару раз, и ему точно станет легче~

— Ах ты ж!..

Не успел парень договорить, как Дуань Янь отвесил ему увесистый пинок. Гоу Сань-эр кубарем отлетел от двери и растянулся на земле.

Этот удар мигом выбил из него всю пошлую дурь, и он мгновенно протрезвел. Парень поспешно вскочил на ноги и запричитал:

— Брат, не сердись! Я сейчас же побегу найду!

— Быстрее! Если не сможешь найти, позови врача!

Глядя на улепётывающего во все лопатки Гоу Сань-эра, Дуань Янь наконец смог немного выдохнуть.

Что это вообще за порядки такие? Сюжетные настройки этого романа были просто отвратительными. Он обернулся и посмотрел в глубь темной комнаты, невольно нахмутив брови.

В это время лежащий в постели Сун Фэнсуй изо всех сил боролся с собственным телом. Он сжался в плотный комок, с трудом сдерживая рвущиеся наружу стоны и хрипы, и до крови искусал собственные губы, лишь бы не издать ни единого постыдного звука.

Хотя Дуань Янь, уходя, не стал запираť дверь, юноша прекрасно понимал свое положение. О том, чтобы сбежать в таком состоянии, не могло быть и речи — он сейчас даже подняться с кровати не сумел бы.

Когда его затуманенный разум уловил звук открывающейся двери, в его душе смешались дикий страх и слабая, отчаянная надежда.

Он боялся, что в дом может войти незнакомец, пока он беззащитен. И в то же время сомневался, что этот странный хозяин дома действительно сдержит слово и принесет лекарство.

Сквозь пелену бреда до его слуха донесся тихий, спокойный голос Дуань Яня:

— Специального противоядия от этой дряни не нашлось, но я уже отправил человека за

врачом. А пока я принес тебе немного холодной воды, возможно, она поможет сбить жар.

Сун Фэнсуй слушал его, и в его душе росло горькое разочарование, хотя подобный исход был вполне ожидаем.

Раз уж его опоили этой мерзостью, как его могли так просто отпустить? Возможно, те искренние слова мужчины были лишь притворством, а сейчас им двигал обычный расчет. А может, его хваленая честность просто не выдержала напора пробудившихся инстинктов.

Горячая, дурманящая кровь снова прилила к лицу юноши, окончательно лишая его способности здраво мыслить.

Услышав слабое, прерывистое дыхание с кровати, Дуань Янь понял, что юноше становится всё хуже. Он застыл на месте, не зная, как подступить к больному.

Он понимал, что Сун Фэнсуй слаб здоровьем, к тому же напуган и видит в нем врага — отсюда и эта отчаянная готовность защищаться до последнего вздоха. Но с другой стороны, перед ним был совсем еще молодой юноша, переживший столько трудностей во время изгнания. Теперь даже членов его семьи, которые были с ним во время изгнания, не было рядом, он оказался в полной изоляции на чужбине, без малейшей поддержки, в логове волков и тигров. Вполне естественно, что его сердце было переполнено страхом и недоверием.

Вот только Дуань Янь, со всеми своими суровыми армейскими привычками, совершенно не умел утешать людей, тем более хрупких гэров, оказавшихся в подобной беде. Он решительно не знал, что делать.

— Ты... только не плачь. Я пойду найду тебе что-нибудь поесть, хорошо?

В ответ из темноты донеслось лишь глухое, прерывистое сопение.

Видя, что Сун Фэнсуй упорно молчит, Дуань Янь предложил снова:

— Тогда, может, я помогу тебе добраться до купальни с холодной водой?

Юноша по-прежнему не отзывался.

Дуань Янь тяжело вздохнул и сделал шаг ближе:

— Тогда как насчет... как насчёт того, чтобы я...

— Ты мерзавец! Даже не думай! — Сун Фэнсуй сорвался на хриплый крик и из последних сил с резким звуком выхватил кинжал, который Дуань Янь ранее отдал ему.

Дуань Янь тут же поднял глаза, вскинул обе руки и послушно отступил на несколько шагов назад.

— Ты не размахивай так ножом, вдруг сам себя порежешь.

Осознав, что юноша, возможно, истолковал его слова превратно, Дуань Янь поспешно добавил:

— Я имел в виду, что если совсем ничего не поможет, я мог бы оглушить тебя ударом, или, может...

На самом деле он и сам понимал, что это была глупая затея, оттого и заговорил с такой

неохотой.

Сун Фэнсуй: «.....»

Увидев, что Дуань Янь не собирается бесстыдно глазеть на него, а зайдя в комнату, держится на приличном расстоянии от постели, юноша почувствовал, как его сердце немного успокоилось.

Он опустил кинжал, медленно и осторожно перекатился к краю кровати и спустил ноги. Однако стоило ступням коснуться пола, как колени подогнулись, и он едва снова не упал. Стоявший неподалеку Дуань Янь почти в то же мгновение протянул руку, чтобы подхватить его, но на этот раз Сун Фэнсуй не повалился на пол — ухватившись за край кровати, он сумел удержать равновесие. Дуань Янь, проявив чуткость, не стал трогать его руками.

Сун Фэнсуй, соблюдая осторожность, волоча свое обессиленное и слабое тело, направился к бадье с холодной водой.

Дуань Янь следовал за ним, держась на небольшом расстоянии — ни близко, ни далеко, — готовый в любой момент подставить плечо. Лишь когда он увидел, что юноша благополучно погрузился в бадью, почувствовал себя так, словно сам только что тяжело потрудились. Он утер капли пота со лба и наконец облегченно выдохнул.

По правде говоря, Дуань Янь и сам признавал, что совершил оплошность, когда зашел сюда посмотреть на Сун Фэнсуя. Не войди он в комнату, юноша, возможно, не был бы столь насторожен, и струна в его душе не натянулась бы до такой степени.

Но что поделать, ведь в этом доме, если не считать нескольких парней в переднем дворе, которые сейчас шумно пьянствовали, не было ни одной женщины или гэра, способных послужить в качестве прислуги. Престарелые родители Дуань Яня всё еще жили в родной деревне и не перебирались к нему в город.

Кроме него самого, в усадьбе просто не было другого надежного человека, который мог бы присмотреть за больным. И если бы он не остался караулить здесь, то, учитывая характер и положение Сун Фэнсуя из книги, кто знает, не заявился бы сюда какой-нибудь другой мужчина.

— Если ты говоришь искренне, и если у тебя в доме найдутся горький женьшень, бадьян или подобные травы, принеси их, — слышался голос из бадьи.

Сун Фэнсуй, погрузившись в холодную воду прямо в одежде, почувствовал, как его сознание немного прояснилось. Вода, судя по всему, была только что набрана из колодца — хоть на дворе и стояло лето, она обжигала пронзительным холодом, который действительно помогал сдерживать бушующий в теле жар.

Однако одной лишь холодной воды было недостаточно, эффект оставался слабым; требовалось принять правильные лекарства.

Его дед по материнской линии когда-то принадлежал к весьма знатному и известному лекарскому клану в Цзяннани. В юности Сун Фэнсуй часто гостил у него и успел перенять немало познаний в медицине и фармакологии. По возвращении в столицу он никогда не хвастался этим мастерством.

Но именно благодаря этим знаниям ему удалось выжить во время тяжелого пути в ссылку.

Услышав это, Дуань Янь поспешно извлек из памяти то, где у него лежали целебные травы. Следуя точным указаниям Сун Фэнсуя, он растолок их в ступке и подал юноше, чтобы тот запил лекарство водой.

Сун Фэнсуй принял снадобье и ощутил, как удушливый, распирающий изнутри жар начал постепенно рассеиваться.

Опершись о край деревянной бадьи, он сквозь щель в занавеске видел, что рослый мужчина по-прежнему стоит снаружи на страже, а на его лице читается явное беспокойство.

Пройдя через столько потрясений и невзгод, Сун Фэнсуй уже не мог до конца понять, какие цели преследует этот человек.

Впрочем, у него не осталось ни сил, ни желания копаться в чужих мотивах. Его тело изначально было слабым, а теперь, подвергшись резкому испытанию ледяной водой и внутренним жаром, оно могло отозваться непредсказуемой и тяжелой болезнью. Пока текущие трудности не были преодолены, у него просто не хватало духу беспокоиться о чем-то еще.

И вот, находясь в этой ледяной бадье, Сун Фэнсуй сам не заметил, в какой момент окончательно потерял сознание...

Дуань Янь, почуввав неладное, поспешно вытащил юношу из воды. Стоя перед насквозь промокшим гэрмом, он совершенно растерялся и не знал, что делать дальше. К счастью, в этот момент Гоу Сань-эр наконец разузнал всё, что нужно, и привел лекаря.

Этот парень оказался на редкость смышленным: он умудрился разыскать и привести женщину-лекаря, которая к тому же приходилась родственницей его старому знакомому. Не будь этой связи, вряд ли удалось бы уговорить ее прийти.

В этом бедном, отдаленном и непросвещенном месте нравы были консервативными и закрытыми, лекарей-женщин здесь почти не водилось — приемом больных занимались исключительно мужчины. Женщины или гэры, сведущие в медицине, встречались крайне редко. Даже если их и приглашали на дом, то обычно делали это втайне, под предлогом дружеского застолья, чтобы человек мог провести осмотр.

Дуань Янь не поскупился и щедро заплатил за медицинские услуги, попросив женщину-лекаря первым делом переодеть Сун Фэнсуя в сухую одежду, а затем тщательно осмотреть его тело и проверить здоровье.

Когда мужчина покинул комнату, женщина-лекарь повернулась к лежащему без чувств Сун Фэнсую.

В душе она не могла сдержать негодования: этот негодяй-кузнец ведет себя так низко и бесстыдно, измучив человека до такого плачевного состояния!

Однако, когда женщина-лекарь осмотрела Сун Фэнсуя, она обнаружила, что он не подвергся насилию, из-за чего почувствовала себя несколько растерянной.

Тем временем наступила полночь. Дуань Янь велел Гоу Сань-эру разогнать тех мертвецки пьяных парней в переднем дворе, а сам остался ждать лекаря возле комнаты.

Гоу Сань-эр долго бегал по делам, а вернувшись, снова принялся хлопотать. Он весь взмок от пота, а хмель из его головы давно выветрился.

Утирая пот, он вернулся во двор и издалека увидел Дуань Яня, который с обеспокоенным видом сторожил у дверей. Вспоминая все сегодняшние бурные события, Гоу Сань-эр почувствовал, что поведение хозяина кажется весьма необычным.

Когда это видано, чтобы их старший брат так пекся о ком-то? В прошлый раз, когда его собственный отец в горах повредил кость, и они посылали за лекарем, дело было срочным, но тот и то не метался в такой панике.

Пока они ждали, когда лекарь закончит осмотр, тот сидел в главном зале, закинув ногу на ногу, да еще и грыз семечки и фрукты.

А судя по нынешней суматохе, этот гэр, похоже, прочно запал старшему брату в сердце, и тот увлекся им не на шутку.

Гоу Сань-эр был парнем исключительно смышленным. Подведя в уме этот итог, он сразу сообразил, как ему следует впредь относиться к этому молодому господину Суну и ко всему, что с ним связано.

— Старший брат, не тревожьтесь так сильно. Как только он примет лекарство, внутренний жар отступит. Я подробно расспросил хозяйку, та сказала, что самое большее — у него до завтрашнего полудня будет немного кружиться голова.

Дуань Янь посмотрел на стоявшего перед ним Гоу Сань-эра. Этот парень в делах проявлял завидную дотошность, но по сути оставался всего лишь семнадцати-восемнадцатилетним подростком. Телосложения он был щуплого, походил на юркую обезьянку и разительно отличался от остальных дюжих молодцов, бывших в подчинении у прежнего хозяина этого тела.

Причина, по которой прежний хозяин держал его при себе, заключалась как раз в его сообразительности — он часто подбрасывал тому дельные идеи.

Сам прежний хозяин был неотёсанным грубияном, привыкшим решать любые вопросы кулаками. С тех пор как этот мальчишка стал помогать ему в делах, он избавил его от множества хлопот, так что парень действительно был талантливым. Но поскольку он примкнул к нему позже остальных, прежний хозяин, будучи человеком прямолинейным, всё же больше ценил ту старую банду братьев во главе с Чэнь Ху, с которыми прошел огонь и воду.

Даже если люди Чэнь Ху вели себя нечестно и частенько подбивали прежнего хозяина на темные дела, навлекая кучу неприятностей, тот в силу молодости не понимал всей опасности этих связей. Вместо этого он считал, что это вопрос братства, считая Чэнь Ху и его сообщников родными братьями.

Чэнь Ху и остальные, пользуясь своим статусом «старых соратников», то и дело третировали Гоу Сань-эра. Прежний хозяин знал об этом, но на всё закрывал глаза, предпочитая не вмешиваться.

Дуань Янь вспомнил, что хотя Гоу Сань-эр и следовал за прежним хозяином, сам он не совершал никаких тяжких преступлений. Однако, находясь под началом такого местного авторитета, он волей-неволей приложил руку к некоторым делам, связанным с притеснением простых людей.

Он помнил, что семья Гоу Сань-эра, судя по всему, жила бедно — именно поэтому мальчишке приходилось сносить косые взгляды, терпеть обиды и, стиснув зубы, покорно следовать за ним,

лишь бы иметь хоть какой-то заработок.

Поскольку по возрасту он был еще совсем юн, если он сможет исправиться и направит свой живой ум в нужное русло, впереди его ждет долгая жизнь, и у него всё еще останется шанс стать честным человеком. Но если он продолжит катиться по этой дорожке, то рано или поздно ступит на путь, с которого нет возврата.

Дуань Янь сдержал суровый нрав и наставительно произнес:

— Впредь чтобы подобных дел больше не повторялось!

Здоровый, крепкий мужчина, если ему кто-то приглянулся, должен добиваться его открыто и честно, а не прибегать к таким грязным и подлым методам. Это и самого себя унижает, и выказывает пренебрежение к другому человеку.

Гоу Сань-эр опешил. Он никак не ожидал услышать от Дуань Яня подобные речи.

По правде говоря, он и сам понимал, что дело с похищением было грязным и недостойным, но идея исходила не от него. Да и куда ему было перечить тем дюжим парням, ведь он пришел в банду позже всех, и без того ходил в изгоях, а начни он давать советы — точно схлопотал бы.

Однако слова, которые Дуань Янь произнес прямо сейчас, лишь укрепили его в догадке, что старший брат действительно всем сердцем прикипел к этому гэру.

— Да, да, старший брат, такого больше не повторится. Впредь я во всем буду слушаться вас и никогда больше не ввяжусь в подобную глупость.

Гоу Сань-эр тут же поспешил согласиться, выражая свою преданность.

Он вовсе не пытался грубо льстить — просто слова Дуань Яня прозвучали настолько веско, правильно и благородно, что это невольно вызвало в нем уважение и глубоко запало в душу.

Пока они разговаривали, дверь комнаты отворилась, и оттуда вышла женщина-лекарь.

Оба мужчины тут же умолкли. Дуань Янь шагнул вперед и торопливо спросил о состоянии Сун Фэнсуя.

Женщина-лекарь нахмурилась, окинула Дуань Яня долгим взглядом, явно не понимая, кем он приходится находящемуся внутри гэру, затем посмотрела на Гоу Сань-эра, который подал ей знак глазами, и только после этого заговорила:

— Состояние этого гэра внушает опасения. Его тело крайне истощено и слабо, а тут еще это переохлаждение. Организм просто не выдержал, отчего он и впал в беспамятство.

Я выписала рецепт, приготовьте по нему отвар и первым делом напоите его. Но имейте в виду — его здоровье не поправить за один-два дня, это дело долгое.

Услышав этот ответ, Дуань Янь тяжело вздохнул.

В книге было написано, что здоровье Сун Фэнсуя оставляет желать лучшего, но теперь, когда он услышал это из уст лекаря, всё оказалось куда серьезнее, чем при чтении.

Его сердце преисполнилось еще большим сочувствием к этому юноше.

— Благодарю вас, лекарь, — сказал он.

Затем Дуань Янь велел Гоу Сань-эру проводить лекаря:

— Уже поздно, глубокая ночь, и непросто найти лекаря, который согласился бы прийти на осмотр в такое время. Проводи ее домой в полной безопасности.

Гоу Сань-эр поспешно согласился.

Женщина-лекарь, увидев, что Дуань Янь проявил такую заботу, прониклась к нему симпатией и впредь без опаски соглашалась приходить сюда для осмотров.

В полночь даже мужчины редко выходили из дома, не говоря уже о женщинах.

Если бы Гоу Сань-эр не приходился ей дальним родственником и не давал клятвенных заверений, да и сама она не была уже зрелой женщиной за сорок, чей муж дождался ее снаружи у ворот, кто бы по доброй воле согласился пойти в такие места в подобный час?

Дуань Янь вернулся в комнату, чтобы проведать Сун Фэнсуя. Рана на руке гэра была обработана дезинфицирующим средством, нанесена мазь и перевязана. Он был переодет в чистую сухую одежду, влажные волосы были высушены.

Юноша спал на кровати глубоким сном, его красивые брови были всё так же плотно сдвинуты.

Глядя на них, Дуань Янь и сам невольно нахмурился. Он не стал подходить ближе, а лишь тихо, на цыпочках, вышел из комнаты.

В его душе зрели мысли о том, как быть дальше.

—

<http://bllate.org/book/17884/1712284>